

Katarzyna Grabowska
Uniwersytet w Białymstoku

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДОВ В «СУПРАСЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

SUMMARY

Characteristics of masculine and neuter adjective inflection in the "Suprasl Chronicle"

The subject matter of this article is the characterization of adjective declension system in one of Western-Ruthenian literary monuments. The *Suprasl Chronicle*, which is classified by researchers as the first Belorussian-Lithuanian compilation, is in terms of language an unusually rich and varied monument. The analysis of adjective declension conducted in this article indicates that full forms are more numerous than simple ones which are used in the *Suprasl Chronicle* in the function of predicative. In the inflection of full forms some influence of the Old Church Slavonic and Belorussian languages has been observed. In the plural form of simple adjectives there is a noticeable tendency to level endings after feminine inflection paradigm.

Key words: Old Belorussian chronicles, the first Belorussian-Lithuanian compilation, Old Russian language, adjective, masculine and neuter inflection

STRESZCZENIE

Cechy odmiany przymiotników rodzaju męskiego i nijakiego w „Kronice Supraskiej”

Przedmiotem niniejszego artykułu jest charakterystyka systemu deklinacyjnego przymiotnika w jednym z zabytków zachodnioruskiego piśmiennictwa. „Kronika Supraska”, zaliczana przez badaczy do I redakcji latopisów białorusko-litewskich, jest zabytkiem niezwykle bogatym i różnorodnym pod względem językowym. Przeprowadzona w artykule analiza odmiany

прzymiotnika pozwala zauważyć przewagę form pełных над niezłożonymi, które najczęściej używane są w tekście latopisu w funkcji orzecznika. W odmianie form pełных odnotowane zostały wpływy języków staro-cerkiewno-słowiańskiego oraz białoruskiego. W liczbie mnogiej przymiotników niezłożonych zauważalna jest tendencja do wyrównywania końcówek według paradygmatu odmiany rodzaju żeńskiego.

1. Характеристика памятника

«Супрасльская летопись» является первой западнорусской летописью, обнаруженной исследователями старобелорусских памятников, И. Н. Даниловичем и М. К. Бобровским в 1822 году в Супрасльском монастыре. Текст летописи был найден в сборнике, помещающем материалы исторического, художественного и религиозного характера¹. В его конце находится запись, объясняющая, по чьему заказу, когда и кем был списан памятник. На 173 листе помещены слова: *Исписан сии летописецъ в лето 7028 [1519 г.], луна 17, индикта 9, октября 6, на память святого апостола Фомы замышлениемъ благоверного и христолюбивого князя Симиона Ивановича Одинцевича (...). Рукоделъе многогрешного раба божиего Григория Ивановича*². Весь сборник состоит из 176 листов, однако текст летописи помещается на листах 3 – 108 (исключая лист 85 об, который заполнен записями на польском и латинском языках почерком XVIII века)³.

Памятник состоит из трёх частей. Две первые объединены общим заглавием «Избрание лѣтописания изложено въкратце», а в его состав входят общерусская, занимающая более половины текста, и смоленская части. Третью составляет «Лѣтописецъ великихъ князей литовъскихъ». Первая часть представляет собой краткое извлечение из русских летописей, в котором излагается история восточных славян с 854 года по 1446 включительно. Между известиями из русских источников, которые касаются записок за 1427 г. и 1446 г., в памятнике помещены местные летописные материалы, описывающие события за 1430–1445 гг. в Смоленске и других городах восточной Белоруссии. Последняя часть «Супрасльской летописи» является самым древним оригинальным памятником белорусско-литовского летописания. «Лѣтописецъ великихъ князей литовъскихъ» охватывает почти сто

1 А. А. Семянчук, *Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі*, Гродна 2000, s. 33.

2 Предисловие к *Полному собранию русских летописей*, Н. Н. Улащик (red.), t. 35, Москва 1980, s. 5-6.

3 Там же.

лет истории Литвы со смерти Гедимины в 1341 г. до смерти князя Витовта в 1430 г. К этой части присоединена также повесть о Подолии, в которой рассказывается о судьбе этой земли с середины XIV в. до начала 30-х гг. XV в.⁴. Учитывая содержание и состав частей «Супрасльской летописи», причисляется она исследователями к I своду белорусско-литовских летописей⁵.

2. Склонение прилагательных

Связи с тем, что памятник представляет собой летописный свод, на его характер повлияли предыдущие редакции, которыми пользовался переписчик при его создании. Благодаря тому «Супрасльская летопись» является произведением неоднородным и очень богатым по своему языковому составу так на фонетическом, как на морфологическом и лексическом уровнях.

Предметом анализа в настоящей статье является склонение прилагательных в мужском и среднем роде, зафиксированных в памятнике. В древнерусском языке прилагательные подразделялись на краткие именные и полные местоименные формы. Они отличались по синтаксической функции и грамматическому значению⁶. В отличие от современного русского языка краткие формы могли употребляться в качестве определения. В исходном состоянии древнерусского языка все прилагательные изменялись по родам, числам и падежам, зависящим от формы существительного, с которым сочетались или к которому относились, как именная часть сказуемого. В «Супрасльской летописи» замечаются некоторые изменения по сравнению с исходным состоянием древнерусского языка. Во-первых, фиксируется вытеснение именных форм прилагательных, чего результатом было повышение количества полных форм. В памятнике именные прилагательные составляют небольшую группу по сравнению с полными, парадигма их склонения менее продуктивна. Как замечает Е.Ф. Карский⁷, причиной такого явления в языке было, с одной стороны, стремление отличить прилагательные от существительных, а с другой – сокращение форм

4 *История белорусской дооктябрьской литературы*, В. В. Борисенко, Ю. С. Пширков, В. А. Чемерицкий (red.), Минск 1977, s. 53-54.

5 Ср. например В. А. Чамярыцкі, *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў*, Мінск 1969, s. 16-17.

6 П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 2010, s. 201.

7 Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, Вып. II, Москва 1956, s. 218.

сложных прилагательных. Во-вторых, в памятнике отражается тенденция к унификации типов склонения во мн.ч., что проявлялось совпадением окончаний всех трёх родов по образцу ж.р. В древнерусском языке процесс утраты родовых различий у именных и местоименных прилагательных проходил в XIII–XIV вв.⁸

2.1. Именное склонение прилагательных

В «Супрасльской летописи» краткие прилагательные во многих случаях выступают в роли предиката, в связи с чем принимают форму И. п. Засвидетельствованы уже немногочисленные случаи употребления И. п. кратких форм в функции определения, ср.: *от прежнего корени бо плод золь бываеть* (15⁹), *и с нами единовѣрень будещи* (17), *Митрополить (...) цел сохранень бысть* (34 об), *бысть мор силенъ во Смоленську* (52 об), *зан же бѣх тогды млад* (103) / *бысть ему сынъ Игор, мужъ мудръ и храбр* (7), *тамо имь была Велик день* (71v), *придоша (...) безъбожьны татарове* (21v).

Среди кратких форм большую группу составляют притяжательные прилагательные. Главным образом это прилагательные, образованные с помощью суф. *-овъ (-евъ)*, н.п.: И. п. – *Олгов* (мир) (11), *Антонеев* (жреби) (65 об), Р. п. – *Дмитрова* (совѣта) (32 об), Д. п. – *Тактамышеву* (сыну) (66), В. п. – *Александрово* (мужество) (28), М. п. – *Михаилове* (при сыну) (7). Довольно много примеров с суф. *-ѣвъ*: И. п. – *Изославль* (сынъ) (20 об), Р. п. – *Ярополча* (лѣта) (7 об), *митрополича* (слова) (34 об), Д. п. – *Ярополчю* (воеводѣ) (14). Немногочисленные примеры с суф. *-инъ*: И. п. – *Марина* (города) (65), В. п. – *Николинъ* (день) (32).

Ниже приводятся выбранные примеры кратких прилагательных в единственном и множественном числе с учётом подразделения на три разряда: качественных, относительных и притяжательных прилагательных.

Именные окончания в м. и ср. р. ед. ч. последовательно отражают древнерусское состояние. Наиболее продуктивными в этой группе являются формы И. и В. п. м. р., что подтверждает исследования учёных¹⁰. Остальные формы падежей представлены сравнительно небольшим количеством примеров. Формы В. п. прилагательных, которые относятся к одушевлённым существительным, являются тождественными с Р. п., а с И. п., если они

8 П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва 1953, s. 151.

9 Нумерация страниц летописи, использованная в статье, приводится в соответствии с нумерацией употреблённой в XXXV томе *Полного собрания русских летописей* под редакцией Н. Н. Улащика.

10 А. М. Булыка, А. И. Жураўскі, І. І. Крамко, У. М. Свяжынскі, *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск 1988, s. 101.

определяют неодушевлённые, ср.: *а пископа остави жива; и постави (...)* *Перуна дрѣвена; вдасть сестру свою за Изаслава, сына Ярославля / и узроста на горе градокъ маль; видель же Кременецъ город твердь Данилов; и бысть ему во грехъ неисцелень и во студ великъ.*

Единственное число

И.	ВЕАНКЪ	мудрь (7), храбр (7), велик (14 об), золь (15), противень (18 об), уныль (23 об), красен (25), вазив (25 об), легокъ (25 об), ласкавь (25 об), хитрь (25 об), цел (34 об), меръзокъ (54 об), млад (103); единовѣренъ (17), силенъ (52 об), безобразень (54 об); Люриков (7 об), Олгов (11), Ярославль (21), Данилов (32 об), царев (36 об), Дмитриев (57), Самьсоновъ (67 об).
	ВЕАНКА	достоино (23 об), возможно (26 об), невѣдомо (27); безъчислено (49), криваво (57 об).
Р.	ВЕАНКА	уна (42 об), от остра (49 об), велика (78), многа (85); от мужеска (51 об), до женска (51 об); Андрѣва (5), Христова (5 об), Игорева (7 об), Ярополча (7 об), Володимерова (8), Батыева (33 об), Марина (65).
Д.	ВЕАНКОУ	младу (26 об), многу (38 об); человеческу (8 об), божию (67 об), по митрополичю (65); Олгову (11), Александрову (30 об), Тактамышеву (66).
В.	ВЕАНКЪ ВЕАНКА	маль (6 об), твердь (32 об), глубокъ (47), великъ (63); златъ (15 об), неисцелень (63); Александрѣв (28), Николинь (32), на Спасов (74 об); жива (27 об); дрѣвена (15 об); Ярославля (21 об).
	ВЕАНКО	мертво (25), много (87); царево (39 об); Алксандрово (28), Христово (41), Мамаево (50 об).
Т.	ВЕАНКЪМЪ	–
М.	ВЕАНЦѢ	по Велице (дни) (59 об); Михаилове (7), Александрове (29 об)

Следует отметить, что в сложных названиях городов, в которых первую часть составляют краткие прилагательные, довольно последовательно сохраняется парадигма их склонения, ср.: *прииде (...) из Новагорода* (5), *И прииде стареши Люрикь сел в Новегороде, а Синеусь, братъ его, на Бѣлоозере* (6), *Хотящи Володимеру ити (...) к Новугороду* (19), *постави Григория епископомъ (...) Бѣлоозеру* (56). В нескольких примерах фиксируется отклонение от этого правила, ср.: *поиде король немецькы Магнушь к Новугороду ратию* (39), *И поиде к Новѣгороду* (44 об).

Множественное число

И.	ВЕАИЦИ	мнози (20 об), зли (23 об), велици (73), многи (79); безъбожьны (21 об), муромьскы (22), пронскы (22), сильни (27 об), усточни (79 об); Вълодимеровы (13 об), Александровы (30 об), Мамаевы (49).
	ВЕАИКА	многа (45 об); малы (107 об).
Р.	ВЕАИКЪ	–
Д.	ВЕАИКОМЪ	–
	ВЕАИКАМЪ	–
В.	ВЕАИКИ	многи (28); руськи (74), Подолски (105 об); царевы (73 об), на Филоповы (84 об).
	ВЕАИКА	за многа (84 об); Золоты (4); митрополича (34 об).

В памятнике зафиксированы немногочисленные примеры кратких прилагательных во мн. ч. Среди них, так же, как в ед. ч., наиболее продуктивными являются И. и В. п. Почти во всех случаях здесь отражены окончания, свойственные для древнерусского языка, хотя замечается здесь стремление к утрате родовых различий во мн. ч., похоже, как это имелось у существительных. Надо предполагать, что унифицированный показатель мн. ч. в формах И. и В. п. существительных распространился на прилагательные, которые являлись формальными выразителями их рода¹¹. В И. п. появляется форма *малы* (дети) с окончанием свойственным для ж. р. Среди прилагательных, относящихся к м. р., стремление к образованию флексии по образцу ж. р. проявляется ещё сильнее: *придоиша с восточьныя страны безъбожьны татарове; Князи же резанские (...) и муромьскы, и пронскы князи; а Мамаевы полци погансти побегоша*. В В. п. также наблюдается тенденция к выравниванию основ к ж. р. (*Золоты врата* в форме ср. р.), хотя одновременно сохраняются окончания, регулярные для этой парадигмы, напр.: слова *митрополича; за многа лѣта*.

Развитие категории одушевлённости – неодушевлённости здесь проявляется непоследовательно: *роспусти князеи великих и послы царевы*.

Надо обратить внимание на смешение мягких и твёрдых окончаний в случаях, если они следуют за заднеязычными *к, г, х*. Твёрдые окончания

11 К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1981, с. 230.

можно здесь принимать скорее всего как влияние старославянской письменной традиции.

2.2. Местоименное склонение прилагательных

Полные прилагательные образовались путём соединения именного прилагательного и указательного местоимения **и** (м. р.), **я** (ж. р.), **к** (ср. р.). В древнерусский период они выступали чаще всего уже в стяжённой форме, причём подвергались влиянию падежных форм указательного местоимения **тъ, та, то**¹².

В «Супрасльской летописи» полные прилагательные, как упоминалось раньше, являются преобладающей группой по сравнению с именными формами. В рамках этого склонения можно выделить твёрдую и мягкую разновидности. Следует подчеркнуть, что в анализируемом памятнике местоименное склонение прилагательных частично изменилось. Некоторые формы подверглись упрощению и сокращению, чего результатом было стяжение окончаний *-ый* и *-ий* в *-ы* и *-и*. В памятнике наблюдается также переход многих притяжательных прилагательных, образованных с помощью суф. *-ѣь*, *-овѣ* (*-евѣ*) и *-инѣ* в сложное склонение, что является характерным для белорусского языка¹³.

а) Твёрдая разновидность

Единственное число

И.	ДОБРЫИ	святѣи (3), великии (3 об), великѣи (4), Злыи (город) (27), суровѣи (54), (город) Кривѣи (101 об), милѣи (107); правѣвѣрныи (3), Боголюбскѣи (5), священѣи (48 об), безбожнѣи (48 об), сѣлавныи (80 об); суздальскѣи (4 об), володимерскѣи (5), печерскѣи (21 об), Невѣскѣи (27 об), резаньскѣи (33), московскѣи (33 об), полоцкѣи (45), литовѣскѣи (45), тѣерскѣи (45), Бельскѣи (57 об), краковѣскѣи (57 об), татарѣскѣи (71 об); велики (3 об), багаты (18 об), святѣи (33 об), великѣи (35), горды (54), живѣи (83 об); Долгоруки (3 об), христолюбивѣи (3 об), Боголюбскѣи (4), хрестяньскѣи (18), безбожнѣи (51), невольнѣи (89 об); киевѣски (3), русѣски (18), смоленскѣи (31), тѣерскѣи (36), московскѣи (36 об), немецѣкѣи (39), лифяньскѣи (76 об).
	ДОБРОК	умиленное (23 об), великое (91); Угорьское (7 об), Новѣгородское (38 об), Ческое (79).

12 В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 2007, s. 227, 229.

13 Е. Ф. Карский, *Белорусы...*, s. 226-227.

Р.	Доброго Добраго	святого (4), из Великого (5), поганого (28 об), Кривого (101 об); княжого (7 об), праведного (20), до слезного (25 об), последнего (25 об), тележьного (31), избранного (35), славного (78 об); чешского (4 об), ерусалимского (5 об), болгарского (8), Киевского (8), до Кольковьского (8), полоцького (13 об), алксандрѣиского (26 об), тферскаго (36), ростовьского (39 об), от литовьского (39 об), сузьдальского (61), руского (68), Печерьского (103).
Д.	Добромоу	к великому (39 об); Благовѣрному (3), страшному (29), славному (78 об); полоцькому (13 об), Володимерьскому (22 об), (ко городу) Можайскому (38), кременьскому (69), угорьскому (78 об), римьскому (78 об), царигородьскому (79), по лядцькому (79 об), по немецькому (80).
В.	Добрыи Доброго	дивьныи (28), великыи (30), черныи (38), во Великии (60 об); сильныи (17), вечьныи (46 об); велики (30), Великы (55 об), Кривы (101 об), греческы (16 об), чесны (21), на церковни (25 об), страшны (29), церковны (38 об); на противного (20), великого (47 об); святого (52 об), исьтиньного (18); тферьскаго (35 об), ростовского (37 об), друцького (37 об), литовьского (40), сузьдальского (43 об), московского (51), немецького (72 об).
	Доброк	на великое (40), святое (28 об), крепькое (49 об), у Красное (село) (72), многое (104); месячьное (9 об), небесное (17), на брачьное (18), безчислѣное (31), нагробное (62 об), крестное (99 об), травное (103); Новгородское (43 об), Новгородцкое (53 об), Смоленское (55), Вряжьское (72 об), Фалишькое (72 об).
Т.	Добрыми	малым (11), острыми (29 об), многим (31), за святыми (45), с великым (61 об), изь великим (63 об); конечьным (26), царевым (39), кривавым (43), оканным (62 об), над славьным (79); за Юрьвым (4 об), Серегереньским (26 об), царигородским (36), тферьским (47), Витовътовым (59), с московьским (59 об), псковским (64), под Марьиным (65), Смоленским (104).
П.	Добромь	в новьм (4 об), на великом (34), во светом (65), о Высоком (101 об); благовѣрном (52 об), во мнишьком (57 об); о Новгородском (38 об), на Навьгородском (41 об), на Резанском (46), Руском (78), Смоленском (100); во велицем (81).

Система падежных окончаний в основном соответствует древнерусскому состоянию, однако фиксируются здесь примеры, которые заслуживают особого внимания. Во-первых, о чём упоминалось выше, в И. п. наряду с нестяжѣнными формами флексии встречаются и стяжѣнные, ср.: *великии*,

Боголюбскыи, безъбожныи / велики, Боголюбскы, безбожныи. Непоследовательность в написании таких окончаний наблюдается в старинных западно-русских памятниках. Утрата конечного *-й* в И. п. прилагательных м.р. имела чаще всего в юго-западной Белоруссии¹⁴. Стяжённые формы окончаний являются нормативными для современного белорусского языка.

В Р. и В. п. фиксируются два прилагательных с окончаниями *-аго* (*тфёрскаго* – Р. п., *тфёръскаго* – В. п.). По всей вероятности здесь наблюдается влияние старославянского языка, так как позднейшие формы с окончанием *-ого* появились под воздействием падежных форм указательного местоимения *тѣ*. Примеры употребления такого вида окончания фиксируются во многих памятниках XIV – XV вв.¹⁵

Формы В. п. регулярно отражают развитие категории одушевлённости – неодушевлённости, ср.: Си наехалъ шатеръ великыи златоверхи; Иде Володимеръ на Корьсунь, градъ греческыи; и нача погрузяти чесныи кресть со мощами во мори / на противного сего убѣицю; посла с Товлюбимь князя Костентина ростовского и Ивана друцъкого.

В И., В. и Т. п. преобладает употребление твёрдого окончания после заднеязычных; мягкое *-и* появляется в нескольких случаях. Форма окончания в прилагательном *велицемь* (М. п.) является результатом палатального процесса. Вероятно под воздействием мягкого варианта возникла форма В.п. *на церковни*.

Множественное число

И.	Добрыи	русские (42 об), смоленские (43 об), литовские (58 об), прусские (93 об); сильные (31 об), черные (83); угорские (7), резанские (22 об), хрестянские (24 об), русские (35 об), русские (36 об), смоленские (55), татарские (104 об); резанские (22).
	Добрата	Златые (врата) (3 об).
Р.	Добрыхъ	великих (24), ценных (26), храбрых (29 об), многих (30 об), великих (49 об), малых (82 об), достойных (104 об); у Златых (3 об), русских (5 об), резанских (22 об), ратных (29), Новгородских (54), литовских (57), у волыньских (69 об).
Д.	Добрымъ	слепым (66), хромымъ (66 об), ослабленнымъ (66 об); Киевскимъ (7), греческимъ (10 об), резанскимъ (22), ко Златымъ (23), бездушнымъ (25 об), литовскимъ (58 об), по Смоленскимъ (59 об), луцкимъ (107 об); Яропольчимъ (13), Владимировымъ (14).

14 Там же, с. 228.

15 А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, У. М. Свяжынскі, *Мова беларускай...*, с. 106.

В.	ДОБРЫҢЬ	смоленские (40); за паганья (17), церковныя (18), корсуньскыя (18), на рускыя (27 об), Московьскыя (51 об), немецкыя (64 об); на Старыи (Троки) (74 об); человеческыи (81 об), кглеитовныи (10 об); рускыи (10), Тьферьскыи (47); многих (45), черных (83 об), живых (86); королевыхъ (69 об); литовьскых (39), смоленских (55), браньских (58).
	ДОБРАГА	в Татарьская (60 об); на Златые (23 об).
Т.	ДОБРЫМИ	многими (14), многими (51), малыми (92 об), многоценными (104 об), дорогими (104 об); царичыными (18), со единомысленными (50), руськими (50 об), золотыми (104), литовскими (106 об).
М.	ДОБРЫХЪ	во бѣлых (22), во бурых (22), в добрых (25 об); на Золотых (23 об), на клегиитовных (105 об), Подолских (107).

В И. п. почти не фиксируются примеры унификации окончаний по формам ж. р., широко представленной в старобелорусских памятниках XIV–XV вв.¹⁶ В «Супрасльской летописи» обнаружены лишь два примера прилагательных м. и ср. р. с новым окончанием: *резанские (князи)* и *Златые (врата)*. В остальных случаях появляется флексия *-иш (-иш)*, нормативная для древнерусского языка, а также *-ья (-ия)*. Именно такой тип окончаний преобладает. Его возникновение объясняется аналогией к старославянскому языку¹⁷.

В В. п. м. р. наблюдается богатое разнообразие форм окончаний. Обнаружен только один пример с флексией *-ые*: *смоленские (послы)*. Остальные формы возникли либо по аналогии к И. п. (*Старыи, рускыи, Тьферьскыи*), либо под влиянием старославянского языка, чего результатом является наличие окончания *-ья* в м. р.: *паганья, церковныя, Московьскыя*. Категория одушевлённости – неодушевлённости фиксируется непоследовательно, хотя преобладает употребление при существительных, обозначающих лиц, форм равных Р. п.: *отпусти послы руськыи; Володимер же поима (...) попы корсуньскыя; стретоша послы смоленские / избиша много черных людеи; много их поимаша живых; и боярь (...) браньских и смоленских, тех всих посекоша*. В ср. р. один пример сохраняет историческую флексию *-ая* (в *Татарьская*), во второй форме отмечается влияние парадигмы склонения ж. р.

¹⁶ Там же, s. 110.

¹⁷ Е. Ф. Карский, *Белорусы...*, s. 239.

После заднеязычных наблюдаются варианты мягких и твёрдых окончаний. Преобладает последний тип окончаний, а их употребление может объясняться книжной традицией.

В «Супрасльской летописи» обнаружены также два примера употребления дв. ч. Это стяжённые формы Т. п.: (*с царема*) *грецькыма* (9 об), *радостьюма* (*очима*) (29).

б) мягкая разновидность

Единственное число

И.	синни	человечи (66 об), нищи (18 об).
	синнкѣ	–
Р.	синнигѣ	Нижьнего (64 об).
Д.	синкмоу	Нижьнему (55 об).
В.	синни	Нижьни (52).
	синкѣ	
Т.	синнимь	божиим (102 об), Божим (24 об), божиимь (54).
М.	синкьмь	на отчемь (25 об), лѣтнемь (58 об).

Мягкий вариант склонения представлен в памятнике небольшим количеством прилагательных. В основном сохранена здесь древнерусская флексия. В Т. п. обнаружены два примера нестяжённых старославянских форм: *божиим*, *божиимь*. Прилагательные в И. и В. п. имеют стяжённое окончание в виде *-и*: *человечи*, *нищи*, *Нижьни*.

Множественное число

И.	синни	божи (28), прочие (41).
Р.	синнихъ	божих (30 об).
Д.	синнимъ	нищим (25 об), по прочиим (19).
В.	синѣѣ	прочих (31).
Т.	синним	–
М.	синнихъ	во прочих (19), в рыжих (22).

В памятнике лишь несколько примеров прилагательных во мн. ч. Наряду со стяжёнными формами окончаний (н.п. *божи*), появляются нестяжённые, типичные для старославянского языка (*божих*, *по прочиим*). Форма В. п. *прочих* (*муж*), сходная с Р. п., отражает категорию одушевлённости.

Проведённый выше анализ системы окончаний прилагательных в «Супрасльской летописи» позволяет заметить в памятнике некоторые изменения по сравнению с исходным состоянием древнерусского языка. Прежде всего наблюдается уменьшение количества кратких прилагательных, которых синтаксическая функция в древнерусскую эпоху начинает ограничиваться к именной части сказуемого. Одновременно отмечаются ещё немногочисленные примеры употребления кратких прилагательных в функции определения. Среди именных прилагательных большую группу составляют притяжательные, образованные с помощью суф. *-овъ/-евъ* (н.п. *Олгов, царев*). В памятнике заметна тенденция к выравниванию окончаний во мн. ч. кратких прилагательных (реже местоименных) по формам ж. р. Кроме того, в склонении полных прилагательных фиксируются немногочисленные старославянские черты, среди которых можно перечислить наличие окончаний *-аго* в Р. и В. п. м. р. ед. ч. (*тверскаго*), а также *-ья/-ия* в И. и В. п. мн. ч. (*хресътянскья, руския, корсуньскья*). Появление белорусских черт отмечается на примере довольно большой группы полных прилагательных м. р. со стяжённым окончанием в И. п. (н.п. *Долгоруки, смоленскы*). Развитие категории одушевлённости – неодушевлённости проводится ещё непоследовательно, что свидетельствует о незавершённости процесса её формирования в момент возникновения памятника.

Библиография

- Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва 2007.
Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1981.
История белорусской дооктябрьской литературы, В. В. Борисенко, Ю. С. Пширков, В. А. Чемерицкий (red.), Минск 1977.
Карский Е. Ф., *Белорусы. Язык белорусского народа*, Вып. II, Москва 1956.
Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва 1953.
Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст., А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, У. М. Свяжынскі (red.), Мінск 1988.
Семянчук А. А., *Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі*, Гродна 2000.
Полное собрание русских летописей, Улащик Н. Н. (red.), т. 35, Москва 1980.
Чамярыцкі В. А., *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў*, Мінск 1969.
Черных П. Я., *Историческая грамматика русского языка*, Москва 2010.